МОЙ ХРАМ ПОЭЗИИ

1
В центре Казани купеческий дом –
добрый давнишний знакомец.
Я никогда не мечтала о том,
что окажусь в этом доме.
Юность его, как судьбу, подарила,
лестниц изгибы близки.
Сколько я высушила на перилах
белых полотен тоски!
В стены впитались стихи и мечты,
время замедлилось там.
Милый, старинный Дом Кекина, ты –
мой поэтический храм!
Там, наверху — трудовой, обычный
люд проживает жизнь.
Кормят, торгуют, гудят привычно
нижние этажи…
Целятся камеры на него
у заграничных туристов.
Одушевлённое существо,
сердцу надёжная пристань…
…Раньше, в двадцатые, в левом крыле
жили рабфаковцы, там же
папа и мама оставили след –
здесь познакомились даже.
Зимними грустными вечерами
в дом приходили наш
поговорить, здесь бывал с друзьями
даже бунтарь Такташ…
Что бы там ни было — годы летят,
мы продолжаем жить…
Дом реставрируют, «молодят»,
нас не омолодить…

2
Знать ли могла я, что в центре Казани
вдруг обрету приют!
Что я хозяйкой на время стану
комнаты узкой тут.
Невероятное совпадение:
в памятном доме, где
мамы и папы сплелись мгновения,
выпало жить и мне.
Зимние ветры в окно стучались,
солнце струило свет.
В комнате этой родной остались
семь драгоценных лет.
Было спасение и лекарство
в шуме или тиши,
было отдельное государство
для одинокой души.
Здесь потолки с благородной лепниной –
для услажденья очей.
Славные двери залы старинной
помнят своих богачей.
Пусть небогатое наше время,
счастьем казалось оно.
Строки любимого стихотворенья
сердцу забыть не дано.
Юных порывов мотив прекрасен –
столько горенья в нём.
Но не отыщешь, как ни старайся,
молодость днём с огнём…

...В гости Ильгам заходил, бывало,
наш золотой соловей.
Крепкая дружба, что нас связала,
ныне ещё сильней.
Над пустяками смеялись вместе,
веря, что жизнь светла.
Или вдвоём запевали песню,
если душа ждала.
Чистую дружбу двух одиночеств
шар наблюдал земной!
Тяготы жизни бывали, впрочем,
дом их делил со мной.
Вот изумился бы ныне Кекин:
«Кто это тут сейчас?»
Он же построил фундамент крепкий,
он же зажёг очаг.
Ветер истории всё сокруши́л,
мир обернулся другим.
...Был ведь богатым купцом, хаджи
прадед мой Ибрагим.
Я не имела отчего дома –
любой был жилищем моим.
А наш, орошённый праведным потом,
неправедно отдан чужим.

Закончится время, новое брызнет,
будет другое жильё...
Я в песни вплетаю узоры жизни –
это наследство моё.

КОГДА ТЫ ПОЕШЬ

Ильгаму Шакирову, великому певцу

Едва ты запоёшь, я утихаю,
Не в силах сделать шага одного.
Ты — *тёмный лес*[1], в котором я блуждаю
Среди мелодий сердца моего.

И всё вокруг поёт, одна лишь плачу,
В твоём напеве утопаю я.
Не объяснишь ли, что всё это значит —
Твоя раба я, пленница твоя...

Ты запоёшь — и легче жить от песни,
Все тяготы с душой её деля.
Могу взлететь без крыльев в поднебесье
И море переплыть без корабля.

[1] *«Тёмный лес» — самая известная народная песня в исполнении Ильгама Шакирова*

Я ВАС ЛЮБЛЮ

Рустему Яхину, композитору,
автору музыки к этой песне

Я люблю Вас украдкой, издалека,
В грёзах моих ни капельки нет печали.
Эта любовь сияет во мне, легка,
Солнечными исходит она лучами.

Я люблю Вас украдкой, ещё сильней,
Песней любовь заветная обернётся.
Каждая строчка, каждое слово в ней –
Нежностью Вашего имени отзовётся.

Я люблю Вас украдкой, смиряя стук
Сердца — что ласку выдать невольно может.
Если бы это чувство открылось вдруг,
Вы от любви сгорали б, наверно, тоже...

МОЙКА, 12

А.С. Пушкину

Гостьею стольного града,
В белых ночах растворяясь,
Памятникам и фонтанам
Царским дворцам удивляюсь.

В этом гигантском музее,
Нету которого выше,
Как чужестранка, немею,
Кто моё слово услышит?

Город пронзительно серый
Не отпускает поэта.
В дом, куда просится сердце,
Я захожу напоследок.

Мойка, двенадцать... На входе –
Он, от меня в полушаге.
Держит за руку и водит,
Словно пером по бумаге...

Чёрные дни вперемешку
С белыми льются ночами.
Капают строчки неспешно
В невские воды печали...

Сгорбилось время нелепо,
Сжались от ужаса звуки:
В солнце под питерским небом
Выстрелил тот, косорукий...

Встретятся после разлуки
Скоро мосты над Невою…
Снова окажутся в круге
Гости-поэты с тобою.

Им переводчик не нужен
В тесной беседе застольной.
Дождь, разговором разбужен,
Капли рифмует невольно.

— Был ли судьбою он связан?
Сам ли создатель сюжета?
— Стрелы, что пущены разом,
Стерпит ли сердце поэта?

— Гибнут пророки, мессии…
Вечно у нас так бывает…
— Разве в одной лишь России
Гении так погибают?

Льётся вино, точно море,
Грезится Пётр-правитель.
Но и поэт в этом споре –
Дум человечьих властитель.

Дело поэта такое:
Он, назначенью послушен,
Сводит мосты над Невою
И в человеческих душах.

Мойка двенадцать… Последний
Адрес поэта.
Бессрочный…
Дождь, убаюкавший сердце…
Белые-белые ночи…

ПОСВЯЩЕНИЕ БАКИ УРМАНЧЕ

У Камня с Человеком — разный век,
И это свойство свыше им дано.
Вживляет сердце камню человек,
А будет биться, будет жить оно?

Душа ведёт мелодию простую
Из давних, незапамятных времён…
Кто автор этой песни? Кто, тоскуя,
На камень Болгара записывает «мон»[1]?

Он ненадолго замер над твореньем,
Остановив минут беспечный бег…
О, что за чудо — как по мановенью,
Из камня проявился Человек!

«Мой друг,— он говорит, вполоборота
К ваятелю лицо поворотив,—
Хоть ты из человеческого рода,
Но, словно камень, крепок, терпелив…

Баки, признайся, превратиться в камень
Тебе и самому пришла пора…
Прости, однако — это между нами
Лишь слов неосторожная игра…»

Затанцевала трость в углу, желая
Вмешаться в необычный разговор.
Благодаря Баки, она — живая,
Его душа-товарищ с давних пор…

Молчит ваятель. Да и как иначе:
Попробуй с камнем ты поговорить…
Никто не видит. Мастер тихо плачет,
И в горле ком никак не проглотить…

Его «вина»: Пигмалион скульптуру
Сам изваял и сам же оживил.
Холодный камень превозмог натуру
И душу человека растопил…

Но и смолчать как будто бы негоже,
Не «каменное» ж сердце у Баки.
Пускай услышит камень, если ожил
И будет жить эпохе вопреки.

«Мой друг,— собрался он с ответной речью,—
Пусть этот мир на бренности стоит,
Но вечен человек, и дух наш вечен,
Земное лоно дух не поглотит…

Надгробный камень — это только память,
Чтоб обозначить жизни краткий век…
Но смертного нам будет мало камня,
Иной скульптуры просит человек!..

Не объяснить, наверное, словами,
А лучше песню я тебе спою…
Творю, смеюсь и плачу, и на камень
Я преклоняю голову свою…»

---

[1] Мон — непереводимое понятие, извечная печаль народа, выразившаяся в народных мелодиях, в особой мелизматике, схожей с тонкой, трепетной вибрацией души

Колышется мелодия простая,
Старик поёт… Напев его тягуч…
Дивясь, как чуду, голосу внимает
В окошко заглянувший *зимний луч*[1].

ПИСЬМО АННЕ АХМАТОВОЙ

…Сударыня Анна!
Пишу не темня:
ты — матерь поэзии,
зеркало дня!
Хранящий заветные тайны листок
с пылающим словом твоим между строк,
возможно, прочитан моею душой,
тебе не чужой?!
В сирени кладбищенской — твой соловей,
сияет звезда над сиренью моей…
Кто душу сирени способен понять?
Лишь только родня…

Сударыня Анна!
Строка запоёт –
ложится на музыку
имя твоё.
Одна у нас кровь и одно ремесло…
Инакая птица… Ах, как тяжело
делить океан и крутой небосклон,
и лебедем быть, и орлом.
О сколько обличий и силы в устах
осталось в священных твоих зеркалах.
Лишь зоркий их выхватит из глубины.
Дальтонику сло́ва — цвета не видны.
Чурбан к семицветной строке не привык –
деревянный язык…

Сударыня Анна!
Родная душа!
Мы жили, любовью
и правдой дыша…
Когда институт благородных девиц,
закрыли, учились мы пенью у птиц,
любви — у земли, красоте — у цветов,
берёз, облаков.
Сегодня смазливых девиц — через край,
посмотришь — вышагивает попугай,
напыщенный, гордый. Но где красота?
Сомкнуты уста…
Не могут сегодня, как раньше, страдать,
и плакать навзрыд, от любви умирать.
Святой Шахрезаде не сыщешь уже
местечка в душе.
На «русскую Анну» навесят ярлык…
Помеха ли родственным душам язык?
Родившая песню — извечная Мать!
Не сметь на неё посягать!

Сударыня Анна!
Быть может, смешной
кажусь я, идя
за своею звездой?..
Сто лет позади, сто зеркал и сто лиц…
Осенние лица июньских столиц…
Но разные лица у строчек твоих,
и нет ни морщинки на них…
Недавно пришла незнакомка в наш дом –
на мой день рождения, с грустным лицом
делилась со мной, что который уж год
мужик сильно пьёт…
И я ей читала стихи у окна,
От них — без вина — опьянела она…

Бушуют зелёные ветры судьбы,
в открытые окна врывается пыль,
закроешь окно — и уже одинок,
и где для души уголок?
Из дома я выйду — встречайте, ветра,
пускай разгорается пламя костра!
Сударыня Анна! Кто в сердце стучится?
Сегодня наверное что-то случится:
родится ли песня,
Любовь ли родится!

ОСЕННЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Той чудесной поры не вернёшь,
Жду хотя бы её отголоска.
Помню: сушат пшеницу и рожь
На ковре домотканом в полоску.

Вот и мельница просит муки,
Словно корма — громадная птица…
Караваи пышны и мягки –
Белый дым над деревней струится.

Хлебный запах плывёт, как река…
Нет на свете даров задушевней,
Чем тот хлеб и вода родника
На окраине нашей деревни…

---

[1] Намёк на картину Баки Урманче «Зимний луч»

ЧЕМ ДОЛЬШЕ ЖИВУ

Чем дольше живу я на свете,
Тем больше влюбляюсь в него.
И день с благодарностью встретить
Стремится моё существо.

И как-то становится легче
Любовь подарить бытию.
А жизнь, хоть калечит, но лечит
Смятенную душу мою.

Не меньше секретов с годами
Мне новая дарит весна.
Хотя бы один разгадаю –
И доверху счастьем полна.

Подсолнухом небу киваю
И в сторону солнца гляжу.
Всё чаще ему удивляюсь
И светом его дорожу…

ЗАПУТАННЫЕ ДНИ

Душа то прячется в тени,
А то танцует сумасшедше,
И этот сбой необъясним.
Они совсем не без надежды –
Мои запутанные дни…

Вот образ прошлого возник,
А следом — будущность ликует.
То манят дальние огни,
То по родной земле тоскую –
Мои запутанные дни…

Читаю взмах чужих ресниц,
А дружба душу поверяет.
О сердце, боль мою храни,
Но как мне жить, изнемогая? –
Мои запутанные дни…

То грустный слышится мотив,
То радость плещется в эфире,
И эта музыка сродни
Моей душе в подлунном мире –
Мои таинственные дни!

ДВЕРЬ РОДНОГО ДОМА

Родная дверь, перед тобой
Стою, с дороженьки устала.
Вернуться в целости домой
Ты мне напутствие давала.

О, дорогая колыбель,
Меня ты примешь даже в полночь,
Когда, изведав сто земель,
Вернусь с котомкой, горя полной.

Сейчас я с радостью пришла,
Ты по шагам меня узнала.
Как эта музыка мила –
Твой скрип я слушать не устала.

Мне по душе уклад простой.
В окне — мелькнула мама тенью.
О, как сияют чистотой
Крыльца янтарные ступени…

ПЕСНЯ

Веют ветры, колышутся травы
И дубравы листвой шелестят:
Мы его повстречали недавно,
Он привет передал, говорят.

Родники подхватили те вести,
Распевая на собственный лад
Мне до боли знакомую песню:
Он привет передал, говорят.

Прокричали мне дикие гуси,
Что над нашей рекою летят:
Твой любимый придёт, не волнуйся,
Он привет передал, говорят.

ЧЕРЕЗ ЗЕРКАЛО

На переулок из окна
Я через зеркало взглянула:
Родная улица — она
Меня как будто обманула.

В чужие рядятся цвета
Дома, деревья и заборы.
Явился, может, неспроста
Там, в зазеркалье, новый город?

Машины едут не туда,
Что было слева, стало справа.
Предстала странною тогда,
О зеркало, твоя забава.

Нарушив перспективу дня,
Привычным зреньем не угадан,
Проулок смотрит на меня
Каким-то отчуждённым взглядом.

И все, кто по нему идут,
Как будто путают движенье.
Зачем я оказалась тут?
А может, стоит в дни сомненья
Хотя бы несколько минут
Прожить в зеркальном отраженьи?

ТАЙНА «ЧЁРНОГО КВАДРАТА»

Нашу песню о лесе дремучем
Надоест ли когда-нибудь петь?
...И на «Чёрный квадрат» удивлённо
Можно целую вечность смотреть...

Я не знаю, какие намёки
Скрыты в плоскости чёрной твоей.
Эту тайну создавший художник
Что хотел донести до людей?

Почему, невзирая на странность,
Целый мир тебе рукоплескал?
Неужели когда-нибудь прежде
Чёрной клетки никто не видал?

Замер шишкинский лес в изумленьи,
И замедлил теченье ручей,
Небеса и морские пейзажи,
Золотые луга Урманче, —

Всё застыло в безмолвии долгом
Перед чёрной твоей пустотой.
Злой ли дух это, солнце поймавший
Чародейскою сетью густой?

Или это манящая бездна?
Чёрный день, распахнувший окно?
Может быть, предсказанье о том, что
Миру сгинуть во тьме суждено?

Месть ли это набитому брюху,
Потерявшему к творчеству вкус:
«Нате, вот вам духовная пища,
Почитатели тонких искусств!..»

На себя ли помноженный сгусток
Темноты — возведённый в квадрат?
«Не ищите, — как будто бы дразнишь, —
Поиск смысла обманом чреват!»

Может быть, ты — секрет, заключивший
В чёрный ящик своё существо?
Созидающий мир или, может,
Разрушающий напрочь его?

Не доска ли ты чёрная, чтобы
Светлой жизни вписалась глава?
Чтобы мы начертали святые,
Позабытые нами слова?

«Вот вам чёрный экран вместо красных,
Полыхающих зорь и огней!» –
Говоришь ты как будто... А может,
Хочешь скрыться от наших очей?

Для чего привлекаешь вниманье
(Не Мадонна же ты, наконец!)?
Эх, и задал ты миру загадку,
Как и твой — гениальный? — творец!

БРЕДЯ ПО ПУСТЫНЕ СТРАДАНИЙ

Бредя по пустыне страданий,
В минуту унынья
Я встретила в центре Казани
Верблюда пустыни!

Верблюд в самом центре столицы?!
Какие тут шутки.
Стоял — не солгут очевидцы –
Он грустный и чуткий...

Двугорбый, с изогнутой шеей,
Точь-в-точь на картине.
Застыла, на чудо глазея –
Красавец пустыни!

Живой, терпеливый и гордый,
С большими глазами.
Уехать на нём далеко бы,
Сев между горбами!

А он говорит без жеманства:
«Мне в городе странно.
Какой же верблюд я без странствий
И без каравана?!»

Чудесное то впечатленье
Никак не забуду.
Подумалось: может, терпенью
Нас учат верблюды?

Когда неуютно на свете,
В минуту унынья,
Пусть вам посчастливится встретить
Верблюда пустыни...

* * *

Сиротливо съёжился мир ночной,
На него в оконный гляжу проём.
А Земля без крыши над головой,
Смотрит небо пристально на неё.

Улица пустынная, слякоть, мгла,
Чёрных окон грустная толкотня...
И не слышен даже собачий лай –
Мою Землю некому охранять.

Смотрит око космоса, как зима
Никнет, боязливая, до земли.
Дав обет молчания, и дома
Сжались, будто сами в себя ушли.

Ни одной души не отыщешь здесь,
Как же без защитника тяжело,
Будто все забыли, что в мире есть
Жизнеутверждающее тепло.

Тишина вселенская, неуют,
Будто мир безвыходно нищ и гол.
Хоть бы стая псов пробежала тут
Или бы пьянчуга куда-то брёл.

Никого. Безмолвная пустота
Устремила в небо покорный взгляд.
Нету крыш над крышами — вот беда,
И в глаза Вселенной они глядят.

Охраняя нас от ветров и бурь,
Защитят ли крыши самих себя?
Мы в открытом космосе! И судьбу
Он решает, милуя и губя.

О небесной крыше мечтать начнёшь,
Чтобы этот мир обошла беда.
Посбивает ветер — и не найдёшь
Своего соломенного гнёзда...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

Оставь занятие эстету –
Слова из бисера плести.
Предназначение поэта –
Жизнь на слова перевести.

Порою слово тоже дремлет
И жизнь в нём теплится едва.
Но лишь поэт раскрутит землю,
Как зажигаются слова.

Он сам — горящая лучина,
Искатель истины впотьмах.
Он — воздающий за кручину
В сердцах народных и умах.

То слово, бьющее до дрожи,
Из горьких слёз сотворено...
Простое слово тем дороже,
Чем справедливее оно...

ИСКУССТВО — ЖИВАЯ ВОДА

Сегодня искусство не требует жертв,
Над жертвой во имя искусства смеются.
Творцы себе выбрали райскую жизнь
И благам её на земле предаются.

Давно распрощался с бедой и нуждой
Напыщенный, самодовольный народец.
А было искусство живою водой,
Да жаль только — высох чистейший колодец.

Искать ли сердечности в мире банкнот,
Где каждый печётся о собственном благе?!
...Мы ждали, когда на язык попадёт
Хоть малая капля живительной влаги...

Сегодня искусство не требует жертв –
Ни горьких лишений, ни сильного чувства.
Ему самому и наносят ущерб
Подобные деятели от искусства...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ты — последней любви еле слышимый вздох,
Не замеченный даже, не узнанный нами.
Это сладкое чувство застало врасплох,
Расцветая во мне полевыми цветами.

Не страдает любовь и не рвёт на куски,
Не сжигает мучительным пламенем душу.
Так объятья её широки и легки,
Что не могут взаимной свободы нарушить.

Ни на что не надеясь, обетов не ждёт,
Не охотится, словно охотник за жертвой.
Никогда из дарованных прежде щедрот
Я такой не встречала любви милосердной,

От которой яснеют душа и глаза,
Озаряется светом моё окруженье,
От которой с улыбкой парю в небесах,
Словно юная барышня в пору цветенья.

Не хозяйка любви я, но и не раба,
Берегу его, словно творенье искусства.
Не роняю слезы и не хмурю я лба –
Уже возраст не тот обнажать свои чувства…

Да и ты не один… Колыхнётся вода…
Вы — два лебедя белых, сплетённых крылами.
Чёрной птицей не будет летать никогда
Моё чувство над вашими головами.

ПУТЬ ЗЕРНА

Путём зерна хочу идти
И в песню поля превратиться,
Быть в землю брошенной, взойти,
На ниве тучно колоситься…

Душа зерна — в самом зерне,
А путь его — простор и воля…
Так, семя трудится в земле,
И продолжается Живое…

УЗНИЦА

Сижу, как узница, в неволе,
От горьких мук уже тошнит.
Стихами стиснута до боли,
Как будто рак зажал в клешни…

Не отпускает слово, держит
И днём и ночью, в дождь и зной:
Не уходи, покуда прежде
Не прозвучу тугой струной,
Пока твоей не стану раной,
Дыханьем, сердцем, языком,
Пока из пепла не восстану,
Не расцвету твоим цветком…

Живи, цепей моих не сбросив,
Покуда мы одна семья…
Моя весенняя ты осень,
Весна осенняя моя,
Мой дикий гусь над побережьем,
Крылами пишущий слова,
Моя отчаянная нежность,
Моя шальная голова…

Кричу: поэзия, ты — пытка,
Страшнее нет твоих оков,
И нет смертельнее напитка
Твоих невысказанных слов.
Пока ты рвёшься в беспредельность,
Я слышу только тяжкий стон.
О мука — нечленораздельность
Твоих речей со всех сторон…

От этих мыслей загорится
Бордовым пламенем цветок…
Из клетки сердца рвутся птицы,
Сорвав мучительный замок.

ЖДУ ЛИШЬ ВЕСНУ

Жду лишь весну на своём пути,
Нечего больше ждать.
Кто-то ушёл, не успев прийти,
И обманул опять…

Я побежала бы босиком
Вслед за моей весной.
Только она, поманив платком,
Зов не услышит мой.

Как отыскать мне весенний след?
Ветры стучатся в сны…
Девушка, можно купить билет
В кассе в страну весны?

Дорого очень и дальний путь –
Мне говорит она.
Может, вернётся когда-нибудь
В город моя весна?

Счёт потеряла надежда дням,
Дразнятся вечера.
Не возвращаются вёсны к нам,
С нами одни ветра...

Переводы Галины БУЛАТОВОЙ

* * *

Лена Шагирзян родилась в деревне Поисево Актанышского района Татарской АССР в семье сельских учителей. Её детские и школьные годы прошли в деревне Кулле-Кими Атнинского района. «Я рано начала сочинять стихи, и уже в 9–10 лет они стали появляться в республиканских газетах и журналах,— рассказывала Лена в интервью Марату Шакирзянову в 1997 году.— Родители поощряли меня и, я думаю, направили на верный путь. Деревенская жизнь оставила в памяти и сердце глубокий след... До сих пор во мне ностальгия по деревенской весне с её скворцами, первыми проталинами, молодой зеленью и запахом черёмухи. Это — Поэзия...»

Здесь, в Кулле-Кими, в 1962 году она окончила школу и поступила в Казанский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет (отделение татарского языка и литературы). Окончив институт, год проработала учителем в казанской школе № 80, после чего неожиданно оказалась в Государственном ансамбле песни и танца, где в течение пяти лет выступала певицей. По словам близких, она обладала чистым, красивым тембром голоса. Да и сама была красивой, яркой, женственной.

В 70–80-е Лена работала журналистом-переводчиком в Татарском государственном радиокомитете. Многие годы являлась заместителем председателя Ассоциации женщин «Ак калфак». Современники отмечали её необычайное трудолюбие, высокое чувство общественного долга, добросердечное отношение к людям. «Конечно, на первом месте стоит сам человек и счастье человека в обществе»,— говорила Лена.

Её считали сильной духом, и это так и было, хотя сама она не стеснялась признаваться в своих слабостях или ошибках: «За полвека своей жизни мне приходилось и волком выть от всех моих страданий и обид. Плохо то, что в казарменных условиях человек сам может превратиться в любого хищника! И я очень жалею о том, что все мои нежные чувства, в том числе и чувство любви в широком понятии этого слова, стали какими-то уродливыми, смешались с нелюбовью, как у Марины Цветаевой. Потому что я на каждом шагу чувствовала, что меня не очень-то любили; не за то, что я нечеловечна или глупа, нахальна или коварна, а за то, что, наоборот, я хотела быть чистой, умной, справедливой, красивой, искренней и любимой. Зависть, недоброжелательность, обман, коварство, сопровождавшие меня долгие годы, привели к тому, что я тоже стала утрачивать свои самые лучшие качества и желания...»

В понятие «счастье» Лена вкладывала не только семейные ценности, но и свободу творчества, желание писать и возможность печататься, добавляя при этом: «Счастье — это когда не стыдишься своего родного языка и своей нации...»

В том, что она научилась читать по стихам Тукая, Лена не видела ничего удивительного, считая, что так и должно быть. И, конечно, как и все татарские поэты, жившие после Тукая, считала себя продолжателем его традиций: «В творчестве поэта замечательное место занимает судьба татарской женщины. Теперь же я сама пишу об этой своей судьбе...»

При жизни Лены вышло 10 её книг на татарском языке: «Душа переполненная» (1982), «Верю в сердце» (1986), «Азбука совести» (1993), «Стихи и поэма» (1996), «Крылатый конь» (1999, стихи для детей), «Круговорот» (2002), «Дарю на память» (2005, критические заметки, воспоминания о современниках), «Аромат цветов мира» (2011, сборник переводов русских и зарубежных писателей, среди которых Пушкин, Державин, Ахматова, Цветаева, Рильке), «Волшебный дар пчелиных сот» (2014), «Да поможет вам Бог, люди!» (2017)

В 2020 году в Татарском книжном издательстве к 75-летнему юбилею Лены вышел сборник стихов «Ни даулыйсын, йөрәк?» («О чём тревожишься, сердце?»). В этом же году стараниями Марата Шакирзянова, племянника поэтессы, журналиста, на его собственные средства издана книга на русском языке «Я в мир пришла с распахнутой душой, сиянием желая озарить», куда вошли воспоминания о Лене и её стихи в переводах на русский язык.

Псевдоним Шагирзян, так созвучный с её настоящей фамилией, был выбран Леной не случайно: слово «шагыйрь» переводится как поэт. Пожалуй, тема творчества — одна из ключевых у Лены: немало стихов посвящено роли поэта, его чувствам и переживаниям, его разладу с миром и подчас с самим собой, беседам с великими — Пушкиным, Ахматовой: «Не отпускает слово, держит / И днём и ночью, в дождь и зной: / Не уходи, покуда прежде / Не прозвучу тугой струной, / Пока твоей не стану раной, / Дыханьем, сердцем, языком, / Пока из пепла не восстану, / Не расцвету твоим цветком...».

С помощью поэзии Лена признаётся в любви современникам и Дому Кекина в Казани, где познакомились её родители и где она сама прожила несколько лет; пытается разгадать тайну «Чёрного квадрата» Малевича; защитить Землю, которая сама «без крыши над головой», болеет душой за справедливость: «Простое слово тем дороже, / Чем справедливее оно...».

Случайные события преломляются в сердце поэта, как лучи в линзе, позволяя взглянуть на них под другим углом зрения. Оттого зеркальное отражение улицы, поменявшее всё местами, приводит к нечаянному озарению: «А может, стоит в дни сомненья / Хотя бы несколько минут / Прожить в зеркальном отраженьи?». И встреченный в центре города грустный верблюд, красавец пустыни, рождает мысль: «Подумалось: может, терпенью / Нас учат верблюды?»

Жизнь поэта — это путь страданий, но в то же время и воспевание жизни, преодоление её трудностей. Это путь зерна, брошенного в родную землю, проросшего сквозь него, впитавшего пот хлебороба, запах свежеиспечённого хлеба и вкус родниковой воды на окраине родной деревни. Это бесконечно рвущиеся на свободу птицы из клетки сердца...

Галина БУЛАТОВА